

**МОНГОЛЬСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**
Институт истории и
археологии

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ
МОНГОЛОВЕДОВ**

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**
Институт восточных
рукописей



КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛОВ: КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

III

**Международная конференция
при поддержке Президента Монголии**



20-22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург

Сборник докладов

Санкт-Петербург - Улан-Батор
2019

ННА-72
ДАА-378.121
М-694

Ответственный редактор:
Редакторы, составители:

Академик С.Чулуун
доктор филол.наук И.В.Кульганек

Ph.D Н.Хишигт

Ph.D Б.Нацагдорж

Ph.D Н.В.Ямпольская

Ph.D Н.Ганбат

доктор филол.наук Л.Г.Скородумова

Рецензенты:

Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Сборник докладов III международной научной конференции. 20-22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург. Россия. СПб.-УБ., 2019 г. -254 с.

Сборник представляет собой собрание докладов III международной научной конференции **"Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов"**, организованной Институтом истории и археологии МАН и Институтом восточных рукописей РАН в г.Санкт-Петербург, 20-22 апреля 2017 г.

Основой для конференции стали рукописные фонды и архивы, хранящие документы и материалы по истории, культуре, этнографии, политике, языку монгольских народов.

В сборнике публикуются доклады, освещающие историю монголоведения, а также доклады, посвященные рукописным материалам о материальной культуре монголов, их письменному наследию, художественному творчеству, экспедициям и разным сторонам жизни традиционного и современного монгольского общества.

ISBN 978-99978-773-4-5

DOI 10.25882/76vd-bb41

© Институт истории и археологии МАН, 2019 г.

© Институт восточных рукописей РАН, 2019 г.

© Международная Ассоциация монголоведов, 2019 г.

Т. Д. Скрынникова

«ЭРДЭНИЙН ЭРИХЭ» О ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ХАЛХЕ 1636-1736 ГГ.

DOI 10.25882/cwt2-7q05

Анализ материала летописи «Эрдэнийн эрихе» показывает, что правовое поле Халхи XVII в. находится в стадии формирования при взаимодействии разных юридических концептов, что определялось изменением политической ситуации в регионе - вхождение в состав Цинской империи. Характер новых властно-управленческих практик определялся рядом постановлений, указов, распоряжений, законов: *jarliy*, который исходил только от императора; продолжением действия прежних законов - *čayaja, jirum*; новыми законами, диктуемыми маньчжурами - *qauli, dürim*), значение которых в политической культуре монголов представляет большой интерес.

Ключевые слова: Халха XVII в., постановления, указы, распоряжения, законы, *jarliy, čayaja, jirum, qauli, dürim*.

T.D. Skrynnikova

Erdeni-yin erike about the imperious relations in Khalkhe (1636-1736)

The analysis of material of the chronicle «Erdeni-yin Erike» shows that the legal framework of Khalkh of the XVII century is in a formation stage in the interaction of different juridical concepts that was defined by change of a political situation in the region - entry into structure of the Qing empire. The kinds of the new imperious and administrative practices were defined by a number of resolutions, decrees, orders, laws: *jarliy* which proceeded only from the emperor; action of the former laws - *čayaja, jirum*; the new laws recommended by Manchurians - *qauli, dürim*). Their value is of great interest for political culture of the Mongols.

Keywords: Halkh the XVII century, resolution, decrees, orders, laws, *jarliy, čayaja, jirum, qauli, dürim*.

Текст данной летописи, написанной в середине XIX в. тайджи Галданом-тусалагчи, представляет безусловный интерес для

исследования формирования и эволюции лексики политической культуры монголов. Необходимость исследования происхождения и эволюции различных форм властно-управленческих структур у кочевников монгольских степей определяется важностью теоретического осмысления монгольских управленческих практик, приобретающих особую актуальность в переломные периоды монгольской истории. XVII в. в истории Монголии отличает то, что после трех веков забвения, монголы проявляются на политической арене как активные акторы, что актуализировало возрождение тех констант политической культуры, которые способствовали институционализации социальных и политических структур, и появлению новых форм властных отношений. Особенности типов и форм традиционных структур власти в Монголии, различающихся как территориально, так и стадиально определялись изменениями в политической организации на протяжении рассматриваемого периода. Материалы летописи Эрдэнийн эрихэ представляют большой исследовательский интерес потому, что в ней языком XIX в. излагаются события двухсотлетней давности: исторически факты XVII в. передаются социально-политическим лексиконом, отражавшим политическую культуру более позднего периода.

Титулам властной элиты Монголии рассматриваемого периода мною была написана и опубликована специальная статья [Скрынникова 2017]. Следует обратить внимание на то, что официальный титул маньчурского императора (Quvangdi) упоминался тусалагчи Галданом редко. Но важным фактом политической культуры является то, что только рядом с этим титулом в тексте мы встречаем упоминание сакральной субстанции - харизмы, которая прежде приписывалась лишь Чингис-хану и его потомкам, что давало претенденту легитимное право на верховную власть. Первый раз тусалагчи Галдан упоминает такой титул маньчурского императора - «*Manju qan Taitszung gegen sutu quvangdi*» [ЭЭ 1883: с. 1], где слово *sutu* переводится как «обладающий харизмой», а полная титулатура маньчурского императора звучит так: «маньчурский хан, тайцзун, светлейший, харизматичный хуанди». Во втором случае, связанном с событиями 80-х годов XVII в., тусалагчи Галдан использует другой концепт - *sür*: примирение халхаских князей произошло благодаря «удивительной харизме и

мудрости императора» (*quvangdi-yin γayiqamšiγ-tu sūr erdem-eče* [ЭЭ, 1883. С. 21]). Ни к кому больше концепты, обозначавшие харизму в монгольском языке, тусалагчи Галданом не применялись.

Гораздо чаще по отношению к императору употреблялся характерный для монгольской политической культуры маркер верховной власти- титул *Qayan* [ЭЭ 1883: с. 7, 33, 38]. Даже императорский трон маньчжурской династии в Китае обозначался Галданом-тусалагчи как «хаганский престол»: в 1662 г. «Энхэ Амугулан воссел на хаганский престол» (*«Engke amuyulang qayan širegen-dü sayuji»* [ЭЭ 1883: с. 7]), хотя интронизация состоялась не перед восьмью белыми юртами в Эджэн-Хороо, как это было в монгольской традиции и что прежде отмечалось в летописях XVII в. Присвоение титула хаган легитимизировало претензии на верховную власть, что согласовывалось с монгольской политической традицией. С включением монголов в состав цинской империи значение титула хаган сохраняется, он маркирует верховную власть, которую монголы признают за маньчжурским императором. Часто титул *qayan* сочетался с другими словами, указывавшими на его, маньчжурского императора, исключительное качество. Например, маньчжурский император обозначается также как Великий хаган (*Yeke Qayan* [ЭЭ 1883: с. 6]) или Верховный хаган (*Dagedü Qayan* [ЭЭ 1883: с. 9, 11]).

Особого внимания заслуживают дополнительные слова-маркеры *gegen* и *boýda*. Выше говорилось о том, что только маньчжурский император был отмечен тусалагчи Галданом как обладатель харизмы, одним из внутренних свойств которой, как известно, было сияние, свет. Потому становится возможным обозначение маньчжурского императора титулами, содержащими указание на это качество: Светлость хагана (*Qayan-u gegen* [ЭЭ, 1883. С. 39]) или Светлость великого бодго хагана (*Yeke boýda qayan-u gegen* [ЭЭ, 1883. С. 23]).

Следует заметить, что значение включенного в последнюю титулатуру термина *boýda*, было выработано еще в рамках традиционной политической культуры [Скрынникова 2017: 31]. Маньчжурский император также удостоился обозначения этим термином: *Boýda* [ЭЭ 1883: с. 28] или Богда-владыка (*Boýda ejen* [ЭЭ 1883: с. 18, 20, 23, 28, 37, 39]). *Boýda* и *Boýda ejen*, как и выше упоминаемые *qayan-u gegen*, употребляются как маркеры, которые подчеркивают сакральность верховной власти маньчжурского

императора.

Употребляется по отношению к маньчжурскому императору также титулы Еjen (Владыка) [ЭЭ 1883: с. 23, 29], Высший владыка (Degerü ejen [ЭЭ1883: с.20]. Неслучайно и обозначение маньчжурского императора титулом Владыка-хаган (Ejen qaṣan [ЭЭ 1883: с. 40]). В данной летописи в монгольской титулатуре маньчжурских императоров используются традиционные концепты, маркирующие верховную власть, с добавлениями дополнительных определений, усиливающих их значение. Все эти маркеры верховной власти, употребляемые в тексте «Эрдэнийн эрихэ» только по отношению к маньчжурскому императору, свидетельствуют о признании халхасами его права на верховную власть над монголами, явно признают его значение владетеля, в данных случаях Халхой, поскольку отмечается его право издавать повеление, устанавливать мир, одаривать милостями ее население.

Высшие властные полномочия, маркируемые термином jarliy, тоже приписывались императору: выражения jarliy-iyar, jarliy-un bičig относились только к нему и маркировали его указы или распоряжения, направляемые представителям монгольской властной элиты.

Анализ терминов, обозначавших статусы лиц, вовлеченных в властно-управленческие практики (ханы, джиноны, нойоны, тайджи, малые тайджи, табунаны) [Скрынникова 2017: с. 31-33], а также функций как сохранившихся традиционных, так и новых зарождающихся и сформировавшихся институтов, реализовывающих административные задачи, позволяет выявить динамику управлеченческих структур монгольского общества. Важной чертой новых качеств властных отношений является появление новых обязанностей представителей аристократической элиты: с усложнением политической структуры монгольского общества усложняются и их управлеченческие функции. Управление определенной административной единицей обозначалось глаголом «возглавлять»: например, Sünid aūimay-un terigülegsen kümün Tenggis [ЭЭ 1883: с. 2] («Возглавлявший Сунитский аймак Тэнгис»), т.е. править аймаком. И возглавлявший административно-территориальную единицу обозначался как «дарга», о чем свидетельствует упоминание Тушету хана Чихун-дорчжи, который

вслед за Гомбо, отцом своим, стал даргою на восточной стороне [ЭЭ 1883: с. 57] (*Jegün yar-tu daruγ-a* [ЭЭ, 1883: с. 5]). Правителей, перешедших со своими подданными под власть маньчжуров, награждали новыми титулами. Так, в 1653 г. тайчжи Бунтар, сын Рахули, который, в свою очередь, был сыном младшего брата Абатайхана, «взявшим многих, пришел поддаться. Его возвели в достоинство цзасак цинь-вана и посадили на кочевье по реке Таргун, за Калганом» [ЭЭ 1883: с. 57].

Взаимоотношения монгольских элит с маньчжурским императором, как говорилось выше, регулировались выпускаемыми им указами (*jarliγ*), тогда как функции и ответственность правителей разного уровня, их взаимоотношения между собой и с подданными регулировались различными правилами, формировавшими правовое поле. Необходимо заметить, что тусалагчи Галдан употребляет/использует в разных ситуациях разные термины. Можно ли, проанализировав их употребление в контексте, говорить о разных видах или формах права в Халхе XVII в.? Или различие терминов определяется их происхождением из разных языков?

Нам известен свод халхаских законов, объединенных общим названием «Халха Джирум» и составленных с 1709 по 1779 г. Законы, включенные в состав свода, обозначаются как *čaγaja* (закон): *yeke čaγaja* [Халха Джирум 1965: 123], *qulaγai-yin čaγaja* [Халха Джирум 1965: с. 149] и др. В положении 1722 г. мы читаем: «Тавренных верблюдов и коней ни по каким делам кроме трех дел не давать. Если посланец и ямщик, зная это, возьмут подводу, то быть по древнему уложению (выделено мной. - Т.С.)» [Халха Джирум 1965: с. 26]. Более точно перевод выделенной мною фразы таков: «Пусть будет по правилам древнего закона» (монг. *erten-ÿ čaγaja-yin yosoγar bui* [Халха Джирум 1965: с. 148]). Что свидетельствует о том, что фиксированные законы не только прежде были составлены, но и им следовали в практической жизни. Это было правилом, закреплявшим порядок в обществе, что и отразилось в названии всего свода законов - джирум. Знание этого порядка как системы выделяло отдельных представителей монгольской элиты и фиксировалось, что отметил тусалагчи Галдан. «В 1-е лето (правления) (1662. Восшествие на престол императора Канси. Монг. Энхэ Амугулан. - Т.С.) по особому высочайшему повелению сына цзасакту ханова преемственно возвели

в звание цзасакту хана, а сына Ахай-тайчжиева - Ахай дайчина постановили цзасаком, пожаловав ему титул «уважающего обычай Пунцук-тайчжи» (*jirum-i erkimekü pungčoγ* [ЭЭ 1883: с. 8]) и, дав обоим им печати и наказы, заставили приносить годовую дань» [ЭЭ 1883: с. 60]. Позже тусалагчи Галдан специально упоминает Пунцук-тайчжи, когда в 1686 г. из ямуна по управлению делами Внешней Монголии, чтобы объявить о проведении съезда, отправили сайдов и тайджи: к ««уважающему обычай Пунцук-тайчжи» (*jirum-i erkimekü pungčoγ tayiji* [ЭЭ 1883: с. 15]) командировали дэмчи Цзотба-тарачжия гэлуга и младшего секретаря (министерства) Салая» [ЭЭ 1883: с. 65]. На мой взгляд, в этом случае, как и позже в XVIII в. термином *jigut* обозначался не обычай, как перевел А.М. Позднеев, а уже письменно фиксированной системой законодательных актов, определявшими правила и порядок жизни общества. Соответственно, выражение «*jirum-i erkimekü pungčoγ tayiji*» [ЭЭ 1883: с. 15] следует перевести как «Пунцог-тайджи, руководствующийся законами».

Если автор Эрдэний эрихэ отметил существование законодательного порядка - *jirum*, который требовал знания его и следования ему - в Халхе XVII в., то с точки зрения маньчжуров законов, которые бы соответствовали законам Цинской империи, не существовало. Вот как об этом пишет тусалагчи Галдан: «Когда, по высочайшему повелению (*jarliy-iyar* [ЭЭ 1883: с.30]), командировав Хорхчиньского цинь-вана Шачжина и других, послали их для от императора, передается словом *jarliy*, тогда как законы, которыми руководствовались в управлении подданными в Халхе, обозначались как *čayaγa qauli*. На мой взгляд, перевод А.М. Позднеевым парного слова *čayaγa qauli* двумя словами (законов и постановлений) не совсем верно, здесь нет союза «и» (*qoyar*). Стоит обратить внимание на то, что термин *čayaγa* для обозначения правовых норм был известен и раньше, тогда как второе слово - *qauli* - появилось после контактов с маньчжурами и является заимствованным словом (маньчж. *kooli* -закон). Обозначаемые парным словом правовые нормы являлись руководством в юридической практике Халхи, что подтверждают и материалы, которые будут представлены ниже.

Что же касается того, что маркировал термин *qauli*, то можно с большой долей уверенности утверждать, что прежде всего им обозначались законы или постановления императора, которые

касались его отношений с властной элитой Халхи. Возможно, они были частью «Уложения Китайской палаты внешних сношений». Так, уже событиям 1638 г. приписывается следующее содержание: «...с этого времени высочайшим повелением (jarliy-iyar [ЭЭ 1883: с. 1]) обязали трех халхаских ханов ежегодно представлять по одному белому верблюду и по восьми белых лошадей и постановили (это) всегдашним законом (egüride qauli bolγabai [ЭЭ, 1883: 1]), назвав «данью (состоящую из) девяти белых»» [ЭЭ, 1883: 54]. Указом императора (jarliy-iyar) предписывались важнейшие функции властных структур, а оформление этих предписаний выливалось в составление документов законодательного характера (qauli).

Упоминания о появлении разного рода qauli после высочайшего распоряжения встречаются неоднократно и касаются взаимоотношений императора и халхаских правителей [ЭЭ 1883: с. 33/79]. Вот один из примеров. В 1655 г., «разделив (Халху) на два крыла восточное и западное, по высочайшему повелению, поручили в полное заведывание Тушету-хану и Мэргэн-нояну по одном цзасаку восточного крыла (tüsiyetü qan: mergen noyan-i čöm jegün γar-un nijeged jasay jakirγaju [ЭЭ 1883: с. 6]). Ежегодное представление установленного количества дани (alba [там же]), приносимой халхаскими ханами, чжинунами, нойонами и тайчжиами - по восьми белых лошадей и по одному белому верблюду, называлось данью «девяти белых». Это именно и есть годовая подать (ene darui jil-un alban [там же]). Помимо того, что касается незначительных тайчжиев и табунанов (öçükən tayiji tabunang [там же]), то они должны были представлять, не различая масти и без расчета числа, смотря потому что имеет каждый; это назвали «податью по состоянию». Вслед за составлением положений об этом (egün-i qauli bolγaysan tayaldubar [ЭЭ, 1883: с. 6]), установили правила об ответных наградах (qarıγı sangnaqu qauli-yi toγtaγaju [ЭЭ, 1883: с. 6]) и точно определили для цзасаков роды серебряных сосудов, серебряных чащ, шелка, полотна; для других, малых тайчжиев, а равно и для посланцев, также установили последовательный порядок выдачи в награду шелковых материй и полотна. Со (времени) установления этаких положений (eyin kü qauli toγtaγaysan-ača [ЭЭ, 1883: 6]) халхаские ханы с особым старанием и покорностью, исполняли намерения, ходили, ежегодно доставляя дань и посыпая послов» [ЭЭ, 1883: с.

58]. Переводы А.М. Позднеева демонстрируют, насколько сложно передать значение термина *qauli* в русском переводе: и законы, и положения, и правила, что видно и из следующего текста, где термин *čayaaja* уже интерпретируется как «уголовные законы».

В 1691 г. «После того как пришел для принятия подданства хан Чихун-дорчжи, а вслед за ним пришли Цэцэн хан Умухэй и сын Цзасакту хана Цэнгуня - Цэван чжаб, все халхаские аймаки сполна пришли в подданство. (Император) полагал, что необходимо сменить и установить заново целиком все правила (*qauli* [ЭЭ 1883: с. 32]), по которым производились в чины (их правители) и постановлялись (у них) чиновники, и что помимо того нужно еще преподать (им, монголам) уголовные законы и постановления (*čayaaja qauli* [ЭЭ 1883: с. 32]) и внушить о долженствующем быть соблюдении (этих законов), так как несколько десятков тысяч (семей) жили смешанно между собой» [ЭЭ 1883: с. 78]. Эта цитата подтверждает высказанное мною выше предположение о том, что термином *qauli* обозначаются указы или постановления императора по отношению к представителям властной элиты Халхи, тогда как парный термин обозначает ряд законов, регулирующих жизнь в Халхе.

Что же касается еще одного термина, обозначавшего закон - *yosun*, то он употребляется или в значении «по обычаям» (*yosun-iyar* [ЭЭ 1883: с. 32]), или в выражении, обозначавшем единство правил поведения и содержания учения: «Халхаские ханы и бэйсэ, все, чествуя тебя, ламу, исповедуют твою религию и почитают (твои) обряды и вероучение (*yosu suryal-i erkimlemüi* [ЭЭ 1883: с. 10])» [ЭЭ 1883: с.61].

Анализ материала летописи «Эрдэнийн эрихе» показывает, что правовое поле Халхи XVII в. находится в стадии формирования при взаимодействии разных концептов, что определялось изменением политической ситуации в регионе - вхождение в состав Цинской империи. Характер новых властно-управленческих практик определялся рядом постановлений, указов, распоряжений, законов: *jarliy*, который исходил только от императора; продолжением действия прежних законов - *čayaaja*, *jirum*; новыми законами, диктуемыми маньчжурами - *qauli*, *dürim*), значение которых в политической культуре монголов представляет большой интерес и требует дальнейших детальных исследований.

Литература:

- Скрынникова 2017: Скрынникова Т.Д. Титулы властной элиты Монголии в летописи XIX в. // MONGOLICA-XIX. Сборник научных статей по монголоведению посвящается ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года М.И. Гольману, В.В. Грайворонскому и К.Н. Яскиной. СПб. 2017. С. 29-33.
- Халха Джирум 1965: Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц.Ж. Жамцарано. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания С.Д. Дылыкова. Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1965.
- ЭЭ 1883: Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихе». Полный текст с переводом и пояснениями. Материалы по истории Халхи. 1636-1736. А. Позднеев. СПб. 1883. 413 с.